

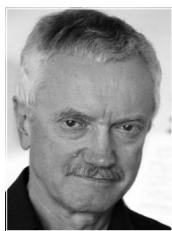
«ЕСТЕСТВЕННОЕ СООБЩЕСТВО ИНТЕРЕСОВ И СИМПАТИЙ»: РОССИЯ И АМЕРИКА В XIX В.

Сергей Михайлович Плеханов

Йоркский университет, Торонто, Канада

splekhan@yorku.ca

<https://orcid.org/0000-0003-0928-7645>

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор истории российско-американских отношений с конца XVIII до конца XIX вв., главная цель которого — прояснить вопрос, почему глубокие противоречия между идеологическими основами двух государств, самодержавной империи и демократической республики, не мешали существованию дружественных, почти союзнических отношений между двумя странами на протяжении более века. Анализ ключевых событий, определявших становление и развитие российско-американского межкультурного взаимодействия — таких, как борьба США за независимость, наполеоновские войны, Крымская война,

Гражданская война в США — позволяет выявить логику и мотивы их длительного сотрудничества в различных областях. С позиций философии культуры прослежены конкретные условия, в которых прагматические мотивы долгое время перекрывали идеологические расхождения, что позволило двум странам осуществлять продуктивное взаимодействие в сфере внешней политики. Кажущаяся парадоксальность того обстоятельства, что самодержавная Россия реально помогла американской республике — государству, сам факт образования которого был отрицанием идеологических основ российского строя, — выжить, вырасти, преодолеть внутренний раскол и подняться до статуса мировой державы, объясняется спецификой конфигурации национальных интересов России и США в данный период. Географическая дистанция между двумя странами долгое время исключала геополитические конфликты между ними, тогда как роль и место России в соперничестве между великими державами Европы соответствовали геополитическим интересам США, стремившихся вытеснить европейские державы из Западного полушария. В отличие от западноевропейских колониальных держав, Россия не препятствовала стремлению США к гегемонии на американском континенте, а США не препятствовали территориальной экспансии России в Евразии. Геополитическое сотрудничество подкреплялось взаимным интересом в развитии торговли. При этом ни Россия, ни США не превращали подспудный идеологический конфликт между ними в препятствие для продолжения сотрудничества, пока сочетание внутрисполитических и международных факторов не вызвало трения между национальными интересами двух стран и одновременное обострение идеологического конфликта. Предлагаемое тематическое исследование вносит вклад в

изучение проблематики роли идеологии в международных отношениях. Оно проливает свет на механизмы культуры, блокирующие идеологические конфликты вопреки прямолинейной логике их развёртывания.

Ключевые слова: российско-американские отношения, национальные интересы, идеология, геополитика, международная торговля, независимость Америки, Русская Америка, Гражданская война в США, Аляска

Для цитирования: Плеханов С.М. «Естественное сообщество интересов и симпатий»: Россия и Америка в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 77–106. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-77-106>

Philosophical essay

A NATURAL COMMUNITY OF INTERESTS AND SYMPATHIES: RUSSIA AND AMERICA IN THE 19TH CENTURY

Serguei M Plekhanov

York University, Toronto, Canada

splekhan@yorku.ca

<https://orcid.org/0000-0003-0928-7645>

Abstract. This brief review of the first century of Russian-American relations seeks to explain why the profound conflict between the ideological foundations of the two states — an autocratic empire and a democratic republic — did not hamper the relations between them for a long time. Focusing on such events as the American War of Independence, Napoleonic Wars, the Crimean War, and the American Civil War, the study, informed by neoclassical realism and philosophy of culture, discusses the logic of political and sociocultural interactions between the two states over a period shaped by great historical upheavals and social transformations. Autocratic Russia despite its ideological basis welcomed the birth of the American republic, helped it to survive, grow, overcome its internal divisions, and rise to a world power status. This seeming paradox is explained primarily by the historical-specific configuration of the national interests of Russia and the USA. The geographical distance between the two countries precluded geopolitical conflicts between them, while Russia's role in the rivalries between the great powers of Europe corresponded to the geopolitical interests of the USA. Unlike West European powers, Russia did not object to the US drive for hegemony on the American continent, and neither did the US obstruct Russia's territorial expansion in Eurasia. Geopolitical cooperation was reinforced by the mutual interest in trade. The congruence between the two countries' national interests was discovered during the American War of Independence and continued to exist until the early 20th century. The ruling elites on both sides kept the inherent ideological conflict between Russia and America from undermining the two nations' cooperation. In times of liberal reforms in Russia, regarded in the US as proof of the universality of American ideas, the ideological conflict seemed to wane, but Russian-American cooperation continued even under more repressive Russian regimes. The situation changed when a combination of international and domestic factors caused frictions between their national interests and spurred their ideological conflict. The two countries' expansionist drives in the North Pacific region made them rivals in the struggle for regional influence. Meanwhile, turbulent changes in American society in the late 19th – early 20th centuries generated an intensive reaffirmation of the American national creed. The new ideologization of America targeted Russian crisis-stricken tsarism as a system opposed to democratic values. American public opinion shifted from friendship with Russian tsars to advocacy of Russian freedom. This case study contributes insights into the historical evolution of Russian-American relations and the general problem of the role of ideology in international relations.

Keywords: Russian-American relations, national interest, geopolitics, ideology, international trade, American Independence, Russian America, American Civil War, Alaska

For citation: Plekhanov, S.M. (2022) 'A Natural Community of Interests and Sympathies: Russia and America in the 19th Century', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(1), pp. 77–106. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-77-106>

В настоящее время, когда отношения между Россией и США ухудшились до предела, в обеих странах бытует мнение, что это ухудшение представляет собой возврат к некоему естественному состоянию. В качестве иллюстрации можно привести следующее характерное утверждение американского публициста: «Враждебное отношение к России — старейшая традиция внешней политики США, и это потому, что, кроме конфликтов между интересами, которые обычно возникают между очень крупными государствами, есть ещё идейный конфликт, который веками настраивал американцев против России, конфликт, от исхода которого зависели судьбы мира... В наше время мы иногда представляем конфликт Америки с Россией как феномен Холодной войны. На самом деле этот конфликт вечен. Это — борьба демократии против царизма, хотя в течение какого-то времени царизм называл себя коммунизмом».¹ В грохоте информационных войн, лишаящих людей способности думать, многим, возможно, покажется вполне вероятным, что отношения между США и Россией действительно всегда были в той или иной мере враждебными, и причина тому — извечный конфликт не только между интересами двух держав, но и между их фундаментальными принципами. Взаимодействие между идеологией и интересами во внешней политике может иметь самые различные формы, и хорошо известно: когда конфликт между интересами сочетается с идеологическим конфликтом, они усиливают друг друга, порождая рост напряжённости между противостоящими сторонами, приводя к

разрыву сложившихся связей, а в крайних ситуациях — к вооружённым столкновениям. В истории российско-американских отношений такая динамика действительно наблюдалась в период Первой холодной войны. Что касается более продолжительного периода отношений между демократической Америкой и царской Россией, то ознакомление с ним не оставляет камня на камне от тезиса о «вечной враждебности». В действительности одна из старейших традиций американской внешней политики — сотрудничество, партнёрство с Россией, которое существовало со времени образования США и до начала XX в., опираясь на *совпадение* их интересов при отсутствии сколько-нибудь значительных конфликтов между ними. В 1862 г. российский министр иностранных дел А.М. Горчаков охарактеризовал отношения между двумя странами как «естественное сообщество интересов и симпатий». Слово «естественное» было употреблено здесь не случайно. Сообщество возникло как бы само собой, повинаясь неким законам природы. В течение полутора веков геополитическая обстановка в мире неизменно складывалась так, что стимулировала сближение России и США. Руководствуясь собственными интересами, самодержавная Россия реально помогла американской республике выжить, вырасти, преодолеть внутренний раскол и подняться до уровня мировой державы. Такое постоянство российской политики создавало в представлениях американцев преимущественно позитивный образ России, а во внешней политике США заложило долговременную традицию сотрудничества с ней. Эта тра-

¹ Berman P. Anti-Russia. Liberty and servitude in a new philo-czarist age // The Tablet. — 2017. — 11 Jan. — URL: <http://www.tabletmag.com/jewish-news-and-politics/221507/why-we-fight-russia>

диция сохранялась несмотря на то, что на протяжении всего периода «сообщества интересов и симпатий» в американском обществе и в политическом классе достаточно громко звучали голоса, осуждавшие российские порядки и внешнюю политику, требовавшие проведения жёсткого курса в отношении России в соответствии с естественным и непримиримым конфликтом демократии и самодержавия. Противоречия между идеологическими основами двух государств были очевидны для обеих сторон. Однако, за редкими исключениями, американское правительство не считало нужным превращать эти противоречия в предмет межгосударственных споров или взаимной критики. Такой же была позиция и правящих кругов России. Предлагаемый краткий обзор истории этого этапа российско-американских отношений проливает свет на истоки и причины столь долгого и устойчивого опыта сотрудничества между двумя странами.

В работе над данной статьей автор опирался на исследования российских и американских авторов и документальные материалы. В корпусе научных работ по истории отношений между США и царской Россией особое место занимают книги Н.Н. Болховитинова [Болховитинов, 1966, 1975, 1990] и историка из Канзасского университета Н. Сола [Saul, 1991, 1996]. Опираясь на огромную документальную базу, эти ученые создали поистине энциклопедические многотомные труды. Среди опубликованных в XX в. и в последние десятилетия американских исследований по отдельным периодам и аспектам данной тематики

богатый материал содержат работы историков [Малкин, 1939; Golder, 1926; Mazour, 1945; Bailey, 1950; Williams, 1952; Laserson, 1962; Cohen, 1963; Crosby, 1965; Nichols, 1967; Gaddis, 1990; Griffiths and Munro, 2020]. Вопросы российско-американских отношений досоветского времени привлекли внимание нового поколения российских историков, работы которых были использованы при подготовке предлагаемого исследования² [Курилла, 2005; Журавлева, 2012; Павловская. 1998; Иллерицкий, 2014; Grinev, 2010; Гарусова, 2001; Селезнев, 2002, Беляков 2015]. Документальной базой исследования служили сборник документов по периоду становления российско-американских отношений в 1765–1815 гг., Полное собрание законов Российской Империи, Архив внешней политики США при американском госдепартаменте³, сборник документов по внешней политике США под редакцией Эндрю Басевича [Bacevich, 2018], архивные публикации В.Н. Козловского⁴ и Н. Ханса [Hans, 1953].

Начало

Российско-американские отношения родились как *торговые связи*, которые установились в конце XVII в. после указа Петра I о легализации импорта табака в Россию, были обоюдовыгодными и успешно развивались ещё до образования США как одна из частей *российско-английской* торговли. Это обстоятельство заложило долговременный «британский» контекст российско-американских отношений, когда ключевыми факторами их развития слу-

² Курилла, И. Россия и Америка в XIX веке: от сотрудничества к отчуждению // PostNauka.ru. — 2018. — 27 окт. — URL: <https://postnauka.ru/longreads/89794> ; Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев: курс лекций. — Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. — 618 с.; Нечипорук В.Д. Во имя нигилизма. Американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1830–1930 годы). — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. — 288 с.; Оленников В.В. Вклад внешней политики Российской империи в победу Северо-Американских Соединенных Штатов в Войне за независимость 1775–1783 годов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет международных отношений, 2019. — URL: <https://nauchkor.ru/pubs/vklad-vneshney-politiki-rossiyskoy-imperii-v-pobedu-severo-amerikanskihs-soedinennyh-shtatov-v-voynye-za-nezavisimost-1775-1783-godov-5c86bf007966e10554bb8757>

³ Россия и США: становление отношений, 1755–1815. — Москва: Наука, 1980. — 752 с.; Собрание (1649–1825): Том 37 (1820–1821) // Полное собрание законов Российской империи. — URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php ; Historical Documents, Foreign Relations of the United States // Office of the Historian, US Department of State. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments>

⁴ Козловский, В.М. Император Александр I и Джефферсон. По архивным данным // Русская мысль. 1910. Книга X. — С. 79–95. — URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rl60000304549?page=15&rotate=0&theme=white>

жили политика Великобритании и реакции на эту политику русских и американцев.

Российско-английские отношения, установленные в XVI в., носили в течение двух веков преимущественно позитивный характер. Во второй половине XVIII в. два государства вели переговоры о заключении союзного договора. Великобритания рассчитывала опереться на Россию в своём соперничестве с Францией. Россия соглашалась на союз только при условии принятия Великобританией обязательства воевать на стороне России в её войнах с Турцией. Но Лондон, встревоженный русской экспансией в направлении Средиземноморья, уже начинал рассматривать Османскую империю в качестве противовеса и такое обязательство брать отказывался.

К тому времени, когда в Северной Америке разразился конфликт между английскими колониями и правительством короля Георга III, в российско-английских отношениях наступило охлаждение. Ни та, ни другая сторона не была готова пойти навстречу другой стороне, не получив весомых уступок взамен — уступок, которые другая сторона делать отказывалась.

Военная кампания англичан против восставших американцев, начатая в 1774 г., терпела неудачи, и король Георг обратился к Екатерине II с просьбой прислать на помощь британской армии двадцатитысячное русское войско, обещая заплатить за помощь серебром и островом Менорка, расположенным неподалёку от Гибралтара и незадолго до этого отобранном у Испании. Не дожидаясь ответа Екатерины, англичане начали распространять слухи о том, что русские казаки вот-вот высадятся в Америке. Вполне возможно, что, согласись Екатерина проявить монархическую солидарность с Георгом, который в своих просьбах к царице проводил аналогию между американским мятежом и недавно разгромленным восстанием Пугачева, американскую революцию ожидал бы трагический конец: прибытие российских войск увеличило бы численность королевских сил в Америке в полтора раза, не говоря уже о повышении их качества.

Но Екатерина ответила Георгу вежливым отказом. Она выразила сочувствие

королю, столкнувшемуся в Северной Америке со столь дерзким вызовом его власти, заверила его в своей «дружбе и преданности», но привела весьма серьёзные аргументы против вмешательства России в англо-американский конфликт. Во-первых, ввиду сложных отношений России с соседями — Турцией, Польшей и Швецией — отправка значительного воинского контингента в Америку была бы для России слишком рискованным шагом. Во-вторых, участие России в англо-американском конфликте могло бы втянуть в него и другие великие державы, и тогда конфликт в Америке распространился бы на Европу, как это произошло с началом Семилетней войны 1756–1763 гг. В-третьих, русская армия «устала» в ходе недавней войны с Турцией. Несмотря на полученный отказ, король Георг не терял надежды и до конца 1779 г. ещё дважды просил Екатерину о военной помощи против американцев, но тщетно: Россия сохраняла позицию нейтралитета в Войне за независимость США, а нейтралитет России работал на США, как это прекрасно понимали американские лидеры.

В 1778 г. Соединённые Штаты признала Франция, невзирая на очевидный идеологический вызов американской демократии французскому абсолютизму. Франция и США заключили против Великобритании союз, к которому позднее присоединилась Испания. Война американцев за независимость стала одним из фронтов вооружённого конфликта между тремя европейскими государствами. Россия по-прежнему держалась нейтралитета, но вскоре конфликт стал наносить ущерб российским экономическим интересам в результате интенсивного каперства всех воюющих сторон, включая американцев, на морских путях международной торговли. Ответом Екатерины стала адресованная Великобритании, Франции и Испании Декларация о вооружённом нейтралитете от 28 февраля 1780 г. Россия провозгласила международные правила обеспечения безопасности торговли нейтральных стран во время войн. Екатерина заявила, что находит основания для своей инициативы «в первобытном праве народов, которого всякая нация может справедливо требовать для

себя» и что «державы воюющие не могут их отменить, не нарушив законов нейтралитета и не отречьшись от правил, формально принятых ими в разных трактатах и публичных обязательствах»⁵. В целях реализации этих правил российские эскадры были отправлены в крейсерское плавание в Атлантику, Арктику и Средиземное море.

Инициатива России вызвала гневную реакцию в Лондоне, где некоторые политики потребовали разрыва дипломатических отношений с Россией и даже объявления ей войны. Но большинство европейских государств поддержало Россию, а в США Континентальный конгресс собрался по этому поводу на специальную сессию, в резолюции которой, в частности, было сказано: «Её в-во императрица всероссийская, *радеющая о свободе торговли и правах народов*, предложила правила, основанные на *принципах справедливости, беспристрастия и умеренности*, которые одобрены их христианнейшим и католическим в-вами и большинством нейтральных морских держав Европы». Конгресс отдал распоряжения американскому флоту и дипломатической службе следовать правилам вооружённого нейтралитета⁶. Принципы, провозглашенные Россией, полностью соответствовали декларации Континентального конгресса 1776 г. о «свободных кораблях и свободных товарах», ставшей одной из основ формировавшегося внешнеполитического курса США. Это неожиданное совпадение принципов коренилась в национальных интересах обеих стран. Но провозглашённый в Филадельфии принцип остался бы на бумаге как благое пожелание, если бы в Петербурге не пришли к выводу, что в интересах России пришло время защитить свободу нейтрального мореплавания — и тогда, подкреплённый российской военной силой, этот принцип начал внедряться как новая норма международного права, а английская морская блокада США была сорвана.

Вслед за провозглашением вооружённого нейтралитета Россия совместно с Австрией выступила с предложением о посредничестве в мирном урегулировании конфликта между Англией и её противниками. Хотя Лондон отверг такое посредничество, обоснованно видя в нём фактическое признание независимости США, российско-австрийская инициатива, имевшая в Европе положительный резонанс, оказала известное давление на Лондон и способствовала началу переговоров о мире, закончившихся подписанием в 1783 г. Парижского мирного договора.

Российская политика в период войны за независимость США сформировала у американцев восприятие самодержавной России как сильного потенциального союзника. Поставив целью сделать такой союз реальным, Континентальный конгресс отправил в 1780 г. в Петербург своего представителя Ф. Дейну для установления дипломатических отношений с Российской империей и подписания договоров о присоединении США к вооружённому нейтралитету и о дружбе и торговле. В инструкциях Дейне, в частности, говорилось: «При всяком удобном случае вам следует выказывать то высокое уважение, которое конгресс питает к её и.в-ву, блеску её имени, к её великодушию и широте взглядов. В особенности вам надлежит в самых решительных выражениях засвидетельствовать одобрение нами мер по защите торговли от произвола британского двора, которые её и.в-во предложила и исчерпывающим образом сформулировала... Вам следует заверить её и.в-во в нашем стремлении видеть столь мудрую и великодушную правительницу в числе наших друзей и отвести ей выдающееся место среди великих людей древних и нынешних времен, которые были счастливы *содействовать благу человечества и лишать тиранов власти творить зло*»⁷.

Итак, в риторике американских лидеров того времени «исторический конфликт

⁵ «Россия и США: становление отношений 1765–1815», С. 60.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Там же. С. 72.

демократии с тиранией» проявлялся в конфронтации американской демократии *не с русским самодержавием, а с британской короной*, а защиту от британской «тирании» американцы искали не где-либо, а в *Петербурге*. Что касается самодержавной России, то идеологически она должна была считать американских мятежников врагами — и как самодержавное государство, основы которого были несовместимы с демократическими ценностями, и как империя, охранявшая свою территориальную целостность подобно Англии, боровшейся с восставшими колониями. Однако идеология должна служить интересам государства, а американская революция государственным интересам России не только не угрожала, но и помогала. В подготовленном российской Иностранной коллегией в 1779 г. документе о внешней политике России говорилось: «...Потеря Англиею колоний её на твердой земле не только не вредна, но паче и полезна ещё быть может для России в части торговых её интересов, поскольку со временем из Америки новая непосредственная отрасль коммерции с Россией открыться и завестись может для получения из первых рук взаимных нужд»⁸.

Независимость США была признана Екатериной де-факто в 1783 г., вскоре после подписания Парижского договора, положившего конец войне за независимость. Торговые связи между двумя странами успешно развивались. Взаимная заинтересованность в торговле и в беспрепятственном плавании кораблей нейтральных стран во времена войн надолго укоренилась в роли *главной основы* сотрудничества между Россией и США.

Историк Альфред Кросби так охарактеризовал важность торговли с Россией для Америки тех лет: «Русские товары, которые хотели покупать американцы — пенька, лён и железо — были простыми, но совершенно необходимыми. Без многих тысяч тонн русских товаров, поступавших в Америку каждый год, парусные флоты США просто не могли бы существовать. До середины девятнадцатого века большин-

ство транспортных перевозок внутри США на расстояние более нескольких миль, а также все трансокеанские перевозки, осуществлялись на парусных кораблях... В начальный период нашей истории мы производили не более одной пятидесятой необходимой нам пеньки, тогда как наше собственное производство льна и железа далеко отставало от потребностей. Без сделанных из русской пеньки снастей, без парусов, сшитых из русской парусины, без разнообразных корабельных деталей и устройств, отлитых из русского железа, наши парусники были бы не более чем грудами древесины... Молодая Америка была гораздо более привязана к России экономически, чем можно себе это представить. В 1800 г. средний кузнец-американец использовал шведское или русское железо, если он хотел изготовить что-либо более совершенное или прочное, чем лошадиные подковы или подставки для каминных дров, а американский моряк, считавшийся едва ли не самым ценным человеком в нашей молодой экономике, предпочитал не рисковать выходить в открытое море без русских канатов и парусов. В значительной мере американская экономика выжила и достигла процветания благодаря тому, что её питали труд и умение русского мужика» [Crosby, 1965: 14–15, 24].

Идеи и интересы

В 1789 г. Европа вступила в новый этап своей истории. Французская революция бросила радикальный демократический вызов европейскому абсолютизму. Европа раскололась на два враждебных лагеря, между которыми вспыхнула война. Россия встала на сторону контрреволюции, США объявили о своём нейтралитете. Но, как напоминает историк Джордж Херринг, «Европа «вторгалась» в Америку во всех отношениях, то внушая американцам страх, что англичане вновь их завоюют, то открывая перед Америкой какие-то новые возможности на её малонаселённых границах, то возбуждая сомнения, не стоит ли присо-

⁸ Там же. С. 55.

единиться к той или иной великой державе. Новая нация жизненно нуждалась в торговле с Европой. Основные участники европейской войны стремились использовать Соединённые Штаты в качестве инструмента реализации своих больших стратегий и уважали американский нейтралитет только тогда, когда это было им выгодно. Помимо всего прочего, война вызвала глубокие разногласия внутри самих США, а внутренние конфликты, в свою очередь, подрывали способность Америки сохранять нейтралитет. Да и сами США, хотя и заявляли о своём нейтралитете, на деле не старались полностью изолироваться от европейской войны. Вместо этого, они, как обычно поступали малые государства на протяжении истории, пытались использовать соперничество между великими державами в своих интересах» [Herring, 2011: 340–349].

Влияние революции на внешнюю политику Франции оказалось для американцев неожиданным: если автократ Людовик XVI был союзником США, который воевал на стороне американской революции, то республиканское правительство Франции развернуло против идеологически родственной ему американской республики необъявленную морскую войну, дабы парализовать торговлю США с Великобританией. Начиная с 1798 г., французы захватили в Атлантике сотни американских торговых кораблей.

Приход к власти Наполеона вызвал у американцев новые тревоги. Наполеон, имевший амбициозные планы на счёт Западного полушария, заставил Испанию вернуть Франции Луизиану — огромные территории к западу от Миссисипи, потерянные французами в результате поражения в Семилетней войне. Перспектива возвращения новой, могучей Франции в Северную Америку выглядела реально и мрачно. К 1803 г. опасность отодвинулась, когда европейские конфликты, а также неудачи попыток французов вновь завоевать стратегически важный остров Гаити, где восставшие рабы провозгласили независимую республику, отвлекли внимание Наполеона от американского континента и побудили его продать Луизиану США [Bush, 2013].

Покупка Луизианы, похожая на фантасматический выигрыш в казино, стала крупнейшим за всю историю США приращением территории. Но считать вопрос окончательно решённым американцы не могли: Америка могла бы и потерять эти земли, если бы Франции удалось установить прочную гегемонию в Европе, а Наполеон вернулся бы к своим американским планам. Между тем свобода нейтральной морской торговли, этот главный приоритет американской внешней политики, грубо попиралась агрессивными действиями главных антагонистов европейской войны — Франции и Англии, стремившихся удушить друг друга посредством морских блокад.

Затянувшаяся европейская война подталкивала Россию и США к сближению. К геополитическим и экономическим соображениям, подогревавшим интерес обеих стран к развитию сотрудничества, прибавился фактор идеологии. В 1801 г. в обеих странах сменились правящие режимы: в США началось президентство Томаса Джефферсона, в России — царствование Александра I. По инициативе швейцарского адвоката Фредерика Лагарпа, убеждённого сторонника демократии, между двумя главами государств завязалась переписка. Лагарп в 1780-е гг. служил в Петербурге наставником юного Александра и оказал значительное влияние на формирование политических взглядов будущего царя. Александр вступил на престол с замыслом реформирования самодержавного строя в конституционно-либеральном духе, и американский политический опыт вызывал у него живой практический интерес.

Лагарп загорелся идеей познакомить двух глав государств, будучи убеждён, что их сотрудничество может иметь самые благотворные последствия для всего мира. В письме одному из своих американских друзей он писал: «Вам известны мои чувства по отношению к разумной свободе. Я считаю нынешнего главу американского союза одним из почтеннейших членов благородного общества людей, которые являются друзьями своих ближних и которые желают просвещения и свободы для всех. На другом конце земного шара существу-

ет другой вождь могущественного народа, который, хотя и рождён на троне, носит в сердце все чувства гражданина и друга человечества. Этот человек, ещё очень молодой, в ближайшем времени оправдает то, что я говорю о нём здесь. Читал он в своё время речь президента Джефферсона, которая находилась в моих руках, и восхищался ею, а уважение, питаемое им к этому выдающемуся гражданину, таково, что, как мне кажется, было бы чрезвычайно полезно для обоих, равно как и для счастья человечества, чтобы они могли сблизиться между собою»⁹.

Через посредничество Лагарпа новый российский император запросил у Джефферсона подробные сведения о конституционном устройстве США. К этому времени американский президент уже был наслышан о намерениях и действиях Александра. Разумеется, Джефферсон приветствовал реформаторские начинания нового правителя России, видя в них подтверждение универсальности американских политических принципов и в то же время понимая, насколько трудно было бы внедрить конституционные начала в российском государстве. «Появление такого человека на троне — один из феноменов нынешней эпохи, столь замечательной в истории человечества, — писал Джефферсон в ноябре 1802 г. — Но перед ним стоит поистине геркулесова задача придумать и осуществить способы обеспечения свободы и счастья тем, кто не может добиться их самостоятельно» [Hans, 1953: 217]. Через некоторое время российский император получил посылку с книгами, выбранными Джефферсоном для просвещения Александра в отношении американских политических идей. Так родилась хорошо известная в наши дни традиция американского политического миссионерства в России.

Между тем перед США и Россией стояла задача более насущная и практическая: облегчить условия нейтральной морской торговли, чрезвычайно важной для экономических интересов обеих стран. В 1803 г. Америка и Россия установили консульские

отношения, причём американский консул Леветт Харрис был принят в Петербурге на уровне, сопоставимом с рангом посла. В 1804 г. Россия использовала своё влияние на правительство Османской империи, чтобы добиться освобождения из плена моряков американского фрегата, отправленного к берегам Северной Африки для защиты торговых кораблей от нападений берберских пиратов и потерпевшего крушение у берегов Триполи. Успех российского заступничества послужил для Джефферсона удобным поводом для прямого обращения к русскому императору. В своём письме Джефферсон счёл необходимым высказать своё одобрение реформаторских устремлений Александра: «Я пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам возвышенную радость, которую я испытываю, наблюдая за различными актами Вашего правления всё то краткое время, что Вы пребываете на престоле, и видя в них проявления добродетели и мудрости. Сколь многого может ожидать Ваша страна от столь многообещающего начала Вашего правления! Разумные принципы, вводимые шаг за шагом, предоставляющие Вашему народу благо постепенно, по мере того как будет расти его способность воспринимать и сохранять это благо, неминуемо приведут к значительному улучшению его положения в течение вашей жизни» [Hans, 1953: 221].

Обращаясь к русскому самодержцу, великий демократ, в своё время бывший свидетелем и поклонником французской революции, недвусмысленно выступал за *постепенное* реформирование российского строя *сверху*. США были заинтересованы в сохранении сильного российского государства, способного сдерживать гегемонистские претензии и наполеоновской Франции, и Великобритании.

В 1807 г. Александр, потерпев поражение в войне с Наполеоном, был вынужден подписать с ним Тильзитский мир, обязавший Россию присоединиться к установленной Наполеоном континентальной блокаде Англии, главного торгового партнёра России. Участие в блокаде было

⁹ Козловский, с. 84.

крайне невыгодно для России, остро нуждавшейся в доходах от морской торговли. Единственным выходом из ситуации было опереться на американцев. Как выразился российский канцлер Румянцев, «расторжение наших коммерческих связей с Великобританией заставило нас искать какую-либо другую державу, в которой мы могли бы найти замену, и единственной державой, обладавшей нужными нам качествами, были Соединённые Штаты» [Crosby, 1965: 122].

Торговый флот США стал для России инструментом не только легальной торговли с Америкой, но и контрабандной торговли с Англией. Значимость Америки во внешней политике России возростала, и к 1809 г. обмен посланниками завершил процесс установления полных дипломатических отношений. В инструкции Ф.П. Палену, первому посланнику России в США, Александр писал: «Соединённые Штаты Америки, мудростью своего правительства и достоинствами лиц, которым они доверили бразды правления, добились в Европе заслуженного уважения. Но ни один из монархов, царствующих на континенте, не питает к ним большего уважения, чем я, что находит своё выражение в том внимании, которое я непрестанно оказываю мудрым действиям лиц, которых они всегда ставили во главе своего правительства... К этому расположению присовокупляются политические интересы моей империи. Я ищу в Соединённых Штатах своего рода соперника Англии. Я думаю, что их собственные интересы побуждают к тому, чтобы в большей степени, чем это делают державы европейского континента, если и не положить предел осуществляемому Великобританией на море пагубному деспотизму, то по крайней мере его ограничить» [Болховитинов, 1966: 376].

Джон Куинси Адамс, прибывший в Петербург в 1809 г. в качестве первого министра-посланника США в России, счёл необходимым в своей первой беседе с им-

ператором подчеркнуть совпадение идейных ценностей двух держав: «Соединённые Штаты всеми силами, находящимися в их власти и совместимыми с их миром и независимостью от политической системы Европы, — заверил Д.К. Адамс, — будут способствовать *поддержанию либеральных принципов*, в отношении которых Ваше Величество выразил столь сильную и справедливую привязанность» [Болховитинов, 1966: 375-376]. Александр, принимая верительные грамоты Адамса, удивил его своими словами уважения к американскому республиканскому строю.

Незадолго до того, как оставить Белый дом, Джефферсон писал газетному издателю Уильяму Дуэину: «Я уверен, что Россия (пока жив её нынешний монарх) является самой сердечно дружественной к нам державой в мире, которая пойдет дальше, чем какая-либо другая, чтобы помочь нам, и с которой нам более всего надо строить мирные отношения»¹⁰.

Сблизившись с Россией и избегая конфликтов с наполеоновской Францией, США сочли геополитическую обстановку благоприятной для удара по Англии, чтобы положить конец продолжавшимся захватам американских торговых кораблей британским военным флотом, а заодно попытаться «округлить» свою территорию аннексией Канады. Рейдерство на морских путях служило для британцев средством экономической блокады Франции, а также источником пополнения личного состава военно-морского флота захваченными в плен тысячами американских моряков. В Вашингтоне исходили из расчёта, что Англия, потерявшая своих европейских союзников и сосредоточенная на войне с Наполеоном, не сумеет оказать сильное сопротивление натиску американцев. 18 июня 1812 г. президент Джеймс Мэдисон подписал принятую конгрессом декларацию об объявлении Англии войны.

Шестью днями позже, 24 июня, Наполеон с двухсоттысячной армией вторгся в

¹⁰ Thomas Jefferson to William Duane, July 20, 1807. The Thomas Jefferson Papers at the Library of Congress: Series 1: General Correspondence. 1651 to 1827. Washington: Library of Congress. — URL: https://www.loc.gov/resource/mjt1.038_1065_1066/?sp=2

Российскую империю, преследуя цель полного подчинения России. Подвергшись нападению Франции, Россия незамедлительно восстановила союзнические отношения с Англией, которые она была вынуждена разорвать по условиям Тильзита. Борьба с британским «деспотизмом», толкнувшая американцев к войне, была, с точки зрения Петербурга, крайне несвоевременной. Главная задача России состояла в отражении французской агрессии и разгроме Наполеона. Новый американско-английский конфликт ослаблял антинаполеоновскую коалицию, и Александр попытался урегулировать его, пригласив представителей обеих сторон в Петербург для мирных переговоров.

Высокопоставленная американская делегация прибыла в Петербург в марте 1813 г. К этому времени обстановка существенно изменилась. Вопреки ожиданиям американцев, что канадцы встретят их как освободителей от британского ига, те с патриотическим подъёмом успешно отбивали вторжения американцев. Между тем Наполеон, потерпев сокрушительное поражение в России, терял свою недолговечную европейскую империю. Англия, стратегическое положение которой кардинально улучшилось, теперь могла перебросить в Америку крупные силы. Ресурсы США истощались, война против Англии теряла поддержку в американском обществе. Приняв российское посредничество, администрация Мэдисона рассчитывала с помощью России добиться приемлемых условий мира. Но Англия продолжала войну: Лондон понимал, что мирные переговоры с участием России, да ещё в Петербурге, не только усилили бы позиции США в урегулировании конфликта, но и повысили бы международный вес России. Англия и США подписали мирный договор в Генте в 1815 г., после длительных и трудных двусторонних переговоров.

Нанеся сокрушительное поражение французской агрессии и сыграв решающую роль в окончательной победе над Наполеоном, Россия на четыре десятилетия стала самым влиятельным государством на европейском континенте. Это влияние зиждилось не только на военной мощи России,

но и на созданной по инициативе Александра Венской системе международных отношений. «Европейский концерт» пяти великих держав, созданный на Венском Конгрессе в 1815 г. как механизм предотвращения больших войн в Европе посредством регулярных консультаций между её лидерами, не мог устранить соперничества между ними, но позволял избегать эскалации конфликтов и находить пути их разрешения. В дополнение к геополитическим договоренностям и кодексу дипломатии, выработанным в Вене, Россия, Австрия и Пруссия провозгласили создание «Священного союза» — декларативного объединения монархов, обязавшихся помогать друг другу в деле предотвращения новых войн и революций. Декларация о создании Союза, выражавшая стремление снабдить новую европейскую систему объединяющей идеологией, была написана лично российским императором, который к этому времени увлёкся идеей объединения Европы под эгидой христианской веры.

К декларации Священного союза присоединились все европейские правители, кроме папы римского и турецкого султана. В 1816–1819 гг. вопрос о возможном присоединении Соединённых Штатов обсуждался между русскими и американскими дипломатами. В США были сторонники присоединения, в основном в христианско-пацифистских кругах, а в общественном мнении, по крайней мере в первые годы существования Священного союза, отношение к нему было достаточно благожелательным, несмотря на идейный конфликт между демократической республикой и контрреволюционным объединением самодержавных монархов. На государственном уровне вопрос обсуждался с геополитической точки зрения. Россия была заинтересована в участии США в европейских делах как дружественного государства и соперника Англии, причём выгода американцев состояла бы в опоре на мощь российской империи в кризисах, подобных англо-американской войне 1812–1815 гг. Но в Вашингтоне предпочли не рисковать потерей самостоятельности в результате втягивания в европейскую политику, и Россия получила вежливый от-

каз. Внешняя политика США двигалась в ином направлении: оставить европейскую политику европейцам, а в Западном полушарии создать свою сферу влияния. Как отмечал Н.Н. Болховитинов, «именно принцип разделения мира на две системы (европейскую и американскую) был главным и решающим аргументом в отклонении Соединёнными Штатами предложения об участии в Священном союзе» [Болховитинов, 1975: 32; Cresson, 1922].

Дружба с «жандармом Европы»

Вопреки наивным надеждам Александра I на объединяющую роль религии, в Европе формировались новые линии раскола. Либеральные и левые силы Европы рассматривали Венскую систему как реакционную, созданную для укрепления гегемонии великих держав, консервации устарелых общественных отношений и подавления демократических движений. Главным оплотом европейской реакции была объявлена Россия. «По всей Европе отношение к России формировалось в основном под воздействием страхов и фантазий... — пишет британский историк Орландо Фигес. — Стремительная территориальная экспансия России в XIX в. и демонстрация её военной мощи в войне против Наполеона произвели глубокое впечатление на сознание европейцев. В начале XIX в. Европу охватила лихорадка публикаций — памфлетов, путеводителей, политических трактатов — на тему о «русской угрозе» континенту. Они имели отношение не столько к каким-либо реальным или воображаемым опасностям, сколько к воображаемым представлениям об азиатском «другом», который угрожал свободам и цивилизации Европы. Эти публикации формировали стереотипное восприятие России как дикой силы, агрессивной и экспансионистской по самой своей природе, и в то же время достаточно хитрой и лживой, чтобы строить против Запада заговоры вместе с «невидимыми силами» и подрывать западные общества изнутри» [Figes, 2010: 70].

Геополитической подоплёкой растущего идеологического конфликта в Европе

была «большая игра» — соперничество между Англией и Россией за влияние на Ближнем Востоке и Южной Азии, которое растянулось до конца века. «...Сменявшие друг друга либеральные и консервативные кабинеты Соединённого Королевства, — пишет историк Е.Ю. Сергеев, — делали всё от себя зависящее, чтобы компенсировать потерю Соединённых Штатов за счёт приобретения владений в Азии и Африке, а российские самодержцы, начиная с Петра I, совершившего поход к берегам Каспия ещё в первой четверти XVIII в., провозгласили достижение восточных и южных морей одним из приоритетов внешней политики» [Сергеев, 2012: 27].

Хотя европейская русофобия оказывала влияние на американское общественное мнение и взгляды части политического класса, участие в «большой игре» на стороне Англии не отвечало интересам США. Борьба против России была для Англии одним из фронтов борьбы за мировую гегемонию. США стремились ослабить свою сохранявшуюся до конца века зависимость от Англии, которая всячески препятствовала индустриальному и политическому развитию своей бывшей колонии, видя в ней растущего конкурента. Англо-американское соперничество продолжало питать заинтересованность США в сохранении неформального альянса с «жандармом Европы».

В 1821–1824 гг. российско-американские отношения прошли проверку на прочность, когда коммерческие интересы двух стран впервые вошли в противоречие на севере Тихого океана, а Соединённые Штаты впервые заявили о своей претензии на гегемонию в Западном полушарии.

Русские поселения существовали на американских берегах с середины XVIII в. Русская Америка включала Аляску, Алеутские острова, поселения на Курильских и Командорских островах, в Калифорнии и на Гавайских островах. В 1799 г. указом Павла I обширные территории севернее 55 градусов северной широты были объявлены владениями российской империи, управление которыми было поручено Российской Американской компании (РАК). Компания, учреждённая как частное акци-

онерное общество под государственным покровительством, получила от императора монопольные права на пушной и иной промысел у американских и сибирских берегов Берингова моря. Монополия РАК постоянно нарушалась британскими и американскими купцами, которые не только промышляли у берегов Русской Америки, но и продавали алкоголь и оружие местным племенам, нередко враждовавшим с русскими колонистами. Со времени установления дипломатических отношений между Россией и США защита интересов РАК от вторжений американцев стала одним из приоритетов российского посольства в Вашингтоне. Правительство США с сочувствием выслушивало российские жалобы, но отвечало, что помочь ничем не может, не обладая властью в отношении частных компаний, — тем более, что границы российских владений в Северной Америке ещё не были подтверждены международными соглашениями. Между тем территория континента к югу от Русской Америки, называвшаяся Орегонской страной, стала предметом соперничества между США и Англией.

В 1821 г. император Александр I, утверждая Устав РАК на следующие двадцать лет, сделал решительный ход в защиту российских коммерческих интересов на Тихоокеанском Севере. Следует заметить при этом, что сам царь и несколько членов его семьи были в числе акционеров компании. Указ Александра от 4 сентября 1821 г. ставил целью положить конец незаконным промыслам и торговле иностранцев в российских владениях на Тихоокеанском Севере, для чего определял правила регулирования коммерческой деятельности в регионе. Указ расширял пределы Русской Америки с 55-й до 51-й параллели, т.е. почти до середины Орегонской страны (пределы сибирских владений устанавливались по линии 45 градусов 50 минут с.ш., т.е. у южного конца Курильской гряды). Торгов-

лей, рыболовством, китобойным и иными промыслами в пределах этих широт разрешалось заниматься только российским подданным. Иностранцам судам запрещалось подходить к российским берегам ближе, чем на 100 итальянских миль¹¹. Для исполнения указа выделялась военно-морская эскадра.

Этот шаг отражал значительно возросшую уверенность российского правительства в силе и влиянии империи, однако его трудно считать иначе чем опрометчивым. Во-первых, Россия не обладала достаточными военными и экономическими ресурсами в регионе, чтобы отстоять столь масштабную претензию. Во-вторых, сама РАК остро нуждалась в услугах иностранных купцов как для снабжения своих поселений, так и для продажи мехов в Китай. В-третьих, своим указом Александр бросал вызов одновременно Вашингтону и Лондону, толкая их на совместные действия против России. С точки зрения США, установление российской границы по 51-й параллели не вызывало особых возражений, так как американцы не претендовали на территории севернее этой линии, тогда как англичане считали их своими. Возмущение американцев было вызвано прежде всего объявлением «закрытого моря» (*mare clausum*) в стомильной полосе прибрежных вод огромного региона, которое наносило удар по интересам влиятельных торговых группировок северо-востока США, не говоря уже о нарушении принципов свободы мореплавания, защита которых была одной из важнейших задач американской внешней политики. Некоторые журналисты и политики усмотрели в указе Александра признаки надвигающейся на США опасности русской агрессии.

В ответ на протесты США и Англии Александр приостановил исполнение указа впредь до достижения соглашений об урегулировании спора, а позднее пригласил представителей обеих стран на пере-

¹¹ 28.747. — Сентября 4. Именной, данный Сенату. — О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825): Том 37 (1820–1821): Законы (28073 – 28857). — 1821. — URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

говоры в Петербург. Но указ 1821 г. уже послужил детонатором официальной заявки США на гегемонию в Западном полушарии. Хотя формальным предлогом для этого шага послужила тихоокеанская претензия России, его главным мотивом были опасения США по поводу планов Священного союза в Латинской Америке. США приветствовали национальные революции против колониального господства Испании и Португалии, видя в них развитие исторического процесса, который был начат американской войной за независимость, а также большие перспективы распространения американского влияния на юг континента. Пытаясь спасти свою разваливающуюся империю, Испания обратилась за помощью к лидерам Священного союза, который защищал права легитимных монархов в борьбе против революций. С 1820 г. Вашингтон испытывал серьёзную тревогу по поводу возможной интервенции европейских держав в целях реставрации испанских колониальных владений.

Вопрос о политике европейских великих держав в Латинской Америке встал в повестку дня российско-американских отношений. Иначе и быть не могло, учитывая влияние России в европейских делах. Существовало опасение, что Россия, руководствуясь контрреволюционными и легитимистскими принципами Священного союза, может встать на защиту испанской колониальной империи и убедить хотя бы некоторых других членов союза пойти на совместное вооруженное вмешательство в латиноамериканский конфликт. В этом случае антиколониальное движение могло бы быть на какое-то время подавлено, и США не смогли бы этому помешать. Англия, выступавшая однозначно против европейской интервенции, поощряла опасения Вашингтона, рассчитывая увлечь американцев идеей совместных действий по предотвращению европейской интервенции.

Но политика России в данном вопросе следовала прецеденту, созданному Екатериной в годы американской Войны за независимость: приоритет национальных интересов и прагматизма над идеологическими соображениями. В 1821–1822 гг.

Священный союз по инициативе Александра дал санкцию на контрреволюционные интервенции Австрии в Италии и Франции — в Испании, но идея воевать за испанские интересы в Латинской Америке не вызывала у европейских монархов энтузиазма. Шансы такой интервенции на успех выглядели сомнительными, а кроме того, крушение испанской колониальной системы на американском континенте открывало перед европейскими державами, как и перед США, возможности продвижения там собственных интересов.

Как и в 1775–1783 гг., Россия заняла позицию нейтралитета в конфликте между европейской колониальной империей и заокеанским национально-освободительным движением. Продолжая присягать принципам Священного союза и на словах поддерживать права испанского короля на сохранение своих владений, Россия в то же время выступала за разрешение латиноамериканского конфликта путём переговоров — и убеждала США придерживаться умеренного курса в отношении новых государств: не торопиться с их признанием, не противопоставлять себя вместе с Англией континентальным державам.

Президент Монро и часть его кабинета склонялись к идее блока с Англией. Однако государственному секретарю Джону Куинси Адамсу удалось убедить администрацию, что европейская интервенция маловероятна и что блокирование с Англией против Священного союза втянуло бы США во внутриевропейские конфликты и помогло бы Англии усилить свои позиции в Западном полушарии.

В геополитическом треугольнике Англии, России и США каждая из сторон стремилась увеличить своё влияние путём партнёрства с той или иной из остальных сторон. Заинтересованные в сближении с США, англичане запугивали американцев русской угрозой, русские играли на антианглийских настроениях американцев, американцы пытались найти наиболее выгодный для себя вариант партнёрства и вели активный дипломатический зондаж как в Лондоне, так и в Петербурге. Идеологически США были ближе к Англии, чем к России. Но Россия отдавала приоритет гео-

политике над идеологией. А в геополитическом контексте у США было больше общих интересов с Россией, чем с Англией. Интересы России в Западной полушарии ограничивались меховым промыслом в Аляске и возможностями торговли с новыми государствами американского континента, тогда как интересы Англии, претендовавшей на мировую гегемонию, предполагали масштабную экспансию в Латинской Америке и сдерживание роста мощи и влияния США.

2 декабря 1823 г. в ежегодном послании президента Монро конгрессу были озвучены принципы внешней политики США, окрещенные впоследствии как «доктрина Монро». Внешнеполитическая часть послания начиналась с сообщения о принятии США и Англией предложения России провести переговоры по спорным вопросам, возникшим на северо-западном побережье Америки. Далее следовало заверение: «Правительство Соединённых Штатов желает посредством этого дружественного шага продемонстрировать великую ценность, которую оно всегда придавало дружбе Императора России, а также свою готовность развивать наилучшее взаимопонимание с его правительством». Основным принципом позиции США на предстоящих переговорах был сформулирован так: «Американские континенты, обретшие и сохраняющие свою свободу и независимость, отныне не должны рассматриваться как объекты будущей колонизации какими-либо европейскими державами» [Bacievich, 2018: 38]. США объявили американский континент закрытым для новых колоний. Европейские государства должны были отказаться от попыток вернуть себе потерянные колонии, создавать новые или передавать колонии друг другу. США брали на себя руководящую роль в создании на континенте системы национальных государств с демократическими институтами. В обмен на невмешательство европейцев в американские дела США подтверждали своё нежелание вмешиваться в дела Европы.

«С формальной стороны дела провозглашение “принципа неколонизации” во многом оказалось связанным с русско-американскими отношениями, — писал Н.Н. Болховитинов, — но фактически и главным образом этот принцип, как и послание в целом, был направлен не столько против России, сколько против Великобритании, обладавшей наиболее крупными колониальными владениями в Америке и являвшейся основным соперником США в борьбе за влияние в Западной полушарии» [Болховитинов, 1975: 243]. Лондон воспринял заявление Монро крайне негативно и в знак протеста отказался от участия в петербургских трёхсторонних переговорах. Реакция России была более спокойной: заявление Монро представляло собой лишь декларацию принципов, идея разделения мировой политики на европейскую и американскую системы Россию вполне устраивала, а «неколонизация» применительно к Русской Америке могла касаться лишь возможного расширения её территории, но не уже существующих владений. Переговоры между Россией и США прошли достаточно гладко и привели к подписанию в апреле 1824 г. первого в истории русско-американских отношений договора между двумя странами — «Конвенции о мореплавании и промыслах в Тихом океане».

Статья первая Конвенции гарантировала гражданам обеих стран свободу мореплавания, промыслов и торговли на всей протяжённости Тихого океана при условии соблюдения ими правил посещения берегов Российской империи и США, установленных властями каждой из двух стран. Статья вторая ограничила владения России широтой 54 градуса 40 минут. Стороны обязались не основывать своих поселений на территориях друг друга. Конвенция предоставляла кораблям обеих стран на десятилетний срок свободу торговли с местными жителями и промыслов у берегов друг друга, но запретила продажу местному населению оружия и алкоголя¹².

¹² Convention Between the United States of America and His Majesty the Emperor of All the Russias, Relative to Navigating, Fishing, Etc., in the Pacific Ocean. Concluded April 17, 1824; ratifications exchanged January 11, 1825; proclaimed January 12, 1825. — URL: <https://explorenorth.com/library/history/bl-rusus1825.htm>

«Начав переговоры только с нами и уступив нам в этих вопросах, особенно в том, что касается навигации, император проявил огромное уважение к Соединённым Штатам», — писал президент и подчёркивал далее, что дополнительное значение этот договор приобретает потому, что он был заключён до подписания аналогичного соглашения с Великобританией и после получения в Санкт-Петербурге известия о послании конгрессу от 2 декабря 1823 г., содержащего принципы, «противоположные тем, которые разделялись Священным союзом» [Болховитинов, 1975: 282].

Переговоры России с Англией оказались более трудными и продлились год. Русско-английская конвенция, подписанная в Петербурге в 1825 г., подтверждала определённые русско-американской конвенцией южные пределы Русской Америки и условия мореплавания и промыслов у её берегов. Наиболее острый спорный вопрос о разграничении британских и русских владений в прибрежной полосе севернее широты 54 градуса 40 минут в конечном итоге был решён согласием России ограничить свою территорию 10 милями от кромки берега. Англо-американский спор по разграничению северо-западных территорий был урегулирован только в 1846 г., когда Договор об Орегоне закрепил границу США и Канады на линии 49-й параллели.

Руководство РАК расценило уступки России, сделанные в 1824 г., как чрезмерные и наносящие ущерб её интересам. Однако на деле, подписав конвенции с США и Англией, Россия не более чем закрепила в международно-правовой форме статус-кво, который *лишь предполагалось* изменить указом Александра, сыгравшим в конечном счёте роль козыря для торга. Интересы частной компании, даже если они включали и личные интересы царской семьи, не могли быть поставлены во главу угла российской внешней политики: приоритет отдавался интересам государственным, а они были сосредоточены в Европе. Развитие дружественных отношений с США было другим государственным приоритетом, ради которого можно было пойти на компромисс.

В 1832 г. в Петербурге, в развитие положений конвенции 1824 г., Россия и США подписали Договор о торговле и мореплавании, который провозглашал свободу торговли и мореплавания, право граждан обеих стран приезжать и проживать во всех портах и местах, где была разрешена иностранная торговля, устанавливал режим наибольшего благоприятствования. Этот договор просуществовал почти семьдесят лет, регулярно продлеваясь, и был расторгнут лишь в 1911 г. по инициативе американского конгресса в обстановке нарастания геополитических и идеологических противоречий между двумя державами.

В своём президентском послании в декабре 1830 г. президент Мартин Ван Бюрен обрисовал их так: «Наши отношения с Россией носят самый устойчивый характер. Уважение к этой империи и уверенность в её дружбе с Соединёнными Штатами столь долго разделялись нами и так заботливо культивировались настоящим императором и его прославленным предшественником, что стали неразрывной частью общественного мнения Соединённых Штатов» [Болховитинов, 1975: 412]. Как отмечает в своём исследовании этого периода российский историк И.И. Курилла, «в 1840–1850-х гг. две страны обращались друг к другу в поисках тех ресурсов, которыми сами не располагали и в которых особенно нуждались. Для обеих стран двусторонние связи были альтернативой опоре на Великобританию. Они носили асимметричный характер, помогая каждой из стран преодолеть собственные слабые места» [Курилла, 2005: 102].

Против общих врагов

В середине века на долю России и Америки выпали огромные испытания. В Крымской войне 1853–1856 гг. Российская империя боролась против коалиции европейских держав и потерпела поражение, обнажившее её отсталость и подорвавшее её международное влияние и статус. В 1861–1865 гг. в США бушевала Гражданская война, которая поставила под вопрос само выживание американского государ-

ства. Это драматическое десятилетие дало российско-американскому сотрудничеству новый импульс развития.

Крымская война, вызванная столкновением геополитических интересов России, Англии и Франции на фоне обострения «Восточного вопроса», как тогда называли упадок Османской империи и подъём национально-освободительных движений на Балканах, не была неизбежной. Соперничество великих держав на Балканах и Ближнем Востоке при наличии заложенной Венским конгрессом традиции разрешения конфликтов дипломатическими методами могло продолжаться и в невоенных формах. Изначально конфликт был спровоцирован, как известно, французским императором Луи Бонапартом, стремившимся укрепить позиции Франции на Ближнем Востоке путём поддержки Турции против России. Но формирование коалиции Англии, Франции и Турции и перерастание политического конфликта в полномасштабную войну произошли в значительной мере в результате стратегических просчётов императора Николая I и его окружения. Российская правящая элита переоценила свою способность добиться нужных ей результатов с помощью наступательной политики, опиравшейся на комбинацию военных и дипломатических методов. Дипломатия не принесла ожидаемого результата, а когда разразилась война, реальный военный потенциал России оказался слабее совокупной мощи коалиции, противостоявшей ей.

Как известно, первоначальный план войны против России предусматривал отторжение огромных российских территорий на Чёрном море, Кавказе, Украине, Балтике и Дальнем Востоке, но реальные результаты победы союзников после трёх лет войны оказались весьма скромными. Главной причиной срыва их грандиозных планов было сопротивление русских вооружённых сил — героическая, продолжавшаяся более года, оборона Севастополя, отражение вражеских атак на Балтике, в Арктике и на Тихом океане. Но сыграла свою роль, прежде всего на тихоокеанском театре, и политика США, послужившая фактором сдерживания агрессивных устремлений Англии и Франции.

«Быстрая экономическая и территориальная экспансия США сделала их предрасположенными к тому, чтобы не остаться в стороне от Крымской войны, — пишет американский историк Норман Сол. — ... Стремление к аннексии Кубы, устранению британского контроля над Грейтауном, узловым пунктом на пути в Калифорнию вдоль берегов Центральной Америки, к разрешению в пользу США спора с Канадой по поводу прав на рыболовство в Северной Атлантике — и общий оппортунистический настрой на то, чтобы воспользоваться европейским конфликтом для реализации своих экспансионистских целей — вполне могли привести к войне между Британией и США, когда разразился кризис по поводу Восточного вопроса» [Saul, 1991: 199].

США заняли по отношению к Крымской войне нейтральную позицию, но нейтралитет этот был недвусмысленно дружественным по отношению к России. США озабоченно следили за ходом конфликта, опасаясь поражения России, которое означало бы серьёзное изменение баланса сил в пользу Англии и Франции — соперников США. Госсекретарь Уильям Марси писал американскому посланнику в Лондоне Дж. Бьюкенену в марте 1854 г.: «Если Россия будет разбита и ослаблена, — и «сердечное согласие» между Великобританией и Францией сохранится, трудно ожидать, что они удержатся от вмешательства в наши дела» [Курилла, 2005: 115]. На раннем этапе конфликта США официально предложили его участникам свои посреднические услуги в целях его мирного урегулирования. Николай, однако, не принял посредничество из соображений престижа, полагая, что России хватит сил одержать верх.

Либеральная общественность Америки, особенно на ранней стадии конфликта, была настроена в основном против России. Например, либеральный журнал «Харперс» в январе 1854 г. писал: «Не может быть сомнений, на чьей стороне окажутся симпатии американцев. Англия — наш друг, когда речь идёт о том, чтобы противостоять России. Каждому очевидно, что Россия представляет образ жизни и правления, противоположный нашему собственному.

Америка является принципиальным врагом России, поэтому она должна стоять на стороне всякой демократической державы, борющейся с Россией» [Иллерицкий, 2014: 186–187].

В прессе звучали и иные оценки поведения России. По мнению журнала «Юнайтед Стейтс Ревью», «Царь имел едва ли не более веские мотивы для своего курса в отношении Турции и желания открыть ворота Чёрного моря, чем США в стремлении приобрести Кубу. Пресса Англии и Франции ставит США и Россию в одинаковое положение правонарушителей и обвиняет их перед цивилизованным миром лишь в том, что они являются непреодолимым препятствием на пути осуществления широких амбициозных планов западных союзников не только на Востоке, но и на Западе» [Иллерицкий, 2014: 186]. «Уолл-стрит джорнел» утверждал в июне 1854 г.: «Союзники действуют не в целях защиты Турции, а в своих корыстных интересах и стремятся всячески подорвать мощь России. Американская публика слишком поддавалась зловеющим козням англо-французской пропаганды. Укрепление России в зоне черноморских проливов было бы выгодным для американской торговли, тогда как установление английского контроля в этом районе, наоборот, сделает почти невозможным плавание по этим морям без драгоценного британского дозволения» [Иллерицкий, 2014: 189].

Популярный писатель и публицист Уильям Джайлс Дикс в книге «Нечестивый союз», вышедшей в свет в 1855 г., оправдывал действия России как с идеологической, так и с геополитической точек зрения: «Многие американцы совершенно не могут найти оправдания этой войне против России. Неужели оно состоит в том, что Россия стремилась защитить восточных христиан? Но разве они не нуждаются в защите? Или причина войны в том, что Россия претендует на Константинополь? Очень странно, что она не взяла его до сих пор, но что особенного в том, что она сейчас всерьёз хочет это сделать и тем самым наверстать упущенное время? Зачем ей мешать? Чем скорее она возьмёт Константинополь, тем лучше будет не только для

неё, но и для Турции, Англии, Франции, да и для всего мира» [Dix, 1855: 42, 68–69]. Интересно, что Дикс полагал, что обретение Россией свободного доступа в Средиземное море освободит её из северной «ледяной клетки», веками сковывавшей её развитие, и приведёт к прогрессивным переменам в российском обществе.

Исходя из общности интересов безопасности двух стран, Дикс считал возможным вступление США в Крымскую войну на стороне России: «На тех же основаниях, на которых Англия и Франция атаковали Севастополь, — предупреждал Дикс, — они вполне могут атаковать Новый Орлеан, Сан-Франциско и Нью-Йорк. Новый Орлеан открывает доступ в Миссисипи и угрожает Мексике, Сан-Франциско угрожает французскому влиянию на Тихом океане, Нью-Йорк угрожает господству Англии в мировой торговле ... Захват Севастополя и оккупация южной России союзными армиями может привести к созданию русско-американского альянса, наступательного и оборонительного — на Востоке и на Западе» [Dix, 1855: 185–186]. Однако соперничество США с Англией и Францией не достигало такой степени интенсивности, чтобы побудить США отказаться от нейтралитета. В то же время нейтралитет не мешал США оказывать помощь России, а с развитием конфликта американское общественное мнение стало решительно про-русским.

Внешнеторговая политика США в какой-то мере ослабила ущерб, который причиняла России англо-французская морская блокада. В июле 1854 г. по американской инициативе Россия и США подписали Конвенцию о морском нейтралитете. Она защищала находящиеся на нейтральном судне товары граждан воюющих сторон от конфискации и собственность (исключая контрабанду) нейтральной страны и её граждан, находящуюся на борту судна воюющей стороны от конфискации. Американский торговый флот как нейтральный беспрепятственно перевозил товары в Россию и из неё. Имела место и военная контрабанда; хотя поставки военных материалов были нарушением правил нейтралитета, американцы, используя сложные

логистические схемы, доставляли в Россию порох, селитру и стрелковое оружие [Saul, 1991: 211–215].

Крымская война поставила под угрозу тихоокеанские владения России, для защиты которых от возможных нападений вражеских флотов у неё было чрезвычайно мало средств. Но незначительность военного потенциала России в регионе была компенсирована партнёрством России с США, сложившимся на Тихом океане с 1820-х гг. Лондон был вынужден рассматривать варианты действий в отношении Аляски, как и ранее, с учётом американского фактора. Захват Русской Америки был бы для англичан несложной военной операцией, однако он был бы воспринят Вашингтоном и как удар по американским интересам в регионе и мог бы даже спровоцировать вступление США в войну на стороне России. Англичане опасались и возможной продажи Аляски Соединённым Штатам. Поэтому Лондон предпочел подержать соглашение, заключённое в 1854 г. по инициативе российской стороны между канадской Компанией Гудзонова залива и Русской Американской компанией о взаимной нейтрализации их владений и судов.

Соглашение, однако, не распространялось на морские просторы и дальневосточные территории России. В 1854–1855 гг. англо-французский флот охотился за русскими кораблями на Дальнем Востоке и совершил несколько нападений на российские берега, наиболее значительным из которых был неудачный штурм главного русского опорного пункта на Тихом океане — Петропавловска-Камчатского. Российские власти в регионе вовремя получили от американцев сведения о готовящейся агрессии, что позволило гарнизону Петропавловска подготовиться к обороне и отбить нападение англо-французской эскадры. В годы Крымской войны американские купцы, пользуясь статусом нейтралитета, снабжали русский Дальний Восток продовольствием [Беляков, 2015]. В целом, позиция США, в какой-то мере сдерживавшая масштабы действий союзников на Тихом океане, способствовала тому, что Россия в этой войне не только не потеряла каких-либо имевшихся у неё тихоокеан-

ских территорий, но и приобрела новые, когда в целях укрепления дальневосточных рубежей расширила за счёт Китая свои владения в Приамурье и Приморье.

Поражение России в Крымской войне было расценено и правящей элитой, и российским обществом как грозное свидетельство отсталости политико-экономической системы страны. Прежде чем вернуться к активной внешней политике, Россия нуждалась в реформах и прежде всего — в давно назревшей отмене крепостного права. Процесс подготовки крестьянской реформы был запущен в конце 1857 г. 3 марта 1861 г. император Александр II подписал «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». За этим давно назревшим решением последовали финансовая, земская, судебная, цензурная, муниципальная и другие реформы, направленные на модернизацию российской системы в духе современной Европы.

В дни, когда громоздкая государственная машина России начала движение по рельсам реформ, в США вспыхнула гражданская война. «Есть параллели в том, как две страны разрешили проблему рабского труда, — пишет Норман Сол. — Россия и Америка были единственными западными великими державами, в которых рабство значительной части населения было законным вплоть до конца 1850-х гг. Затем оба государства почти одновременно отменили, по крайней мере технически, формально-юридические аспекты системы принудительного труда, сохраняя при этом основы своих общественно-политических институтов» [Saul, 1991: 313]. При всех огромных различиях между Россией и Америкой, перемены в обеих странах происходили в одном и том же направлении. Это в какой-то мере смягчало идеологические противоречия между принципами самодержавия и демократии, что способствовало дальнейшему развитию альянса двух стран.

Если российские реформы не подорвали стабильность российского государства, не потерявшего контроль над обществом и процессами перемен, то в США глубокий и непримиримый конфликт между сторонниками и противниками отмены рабства

привёл к выходу семи рабовладельческих штатов из США, провозглашению ими нового государства, Конфедеративных Штатов Америки, к которому позднее присоединились ещё шесть штатов, и полномасштабной, затяжной и кровопролитной войне между двумя частями расколовшейся страны. Восстановить целостность государства оказалось возможным только в результате радикализации политики реформ. Гражданская война привела не только к отмене рабства, но и к общей прогрессивной модернизации социально-политической системы, что создало условия для быстрого роста индустриального капитализма и выхода США в ранг великой державы.

На протяжении всего периода Гражданской войны внешние факторы оказывали значительное воздействие на её ход. Соперники США увидели в этой войне возможность ослабления своего конкурента. Испания аннексировала в 1861 г. Доминиканскую республику, пригрозив Вашингтону, что если он попытается противодействовать этому, то Мадрид признает Конфедерацию как новое суверенное государство. Англия имела тесные связи с рабовладельческими штатами, которые производили хлопок для её фабрик. Базой производства хлопка был рабский труд, и, хотя в самой Британской империи рабство было давно отменено, Англия по экономическим причинам была заинтересована в его сохранении в США. Лидеры рабовладельческого Юга, возможно, и не рискнули бы пойти на сецессию, если бы не чувствовали поддержку Англии. Эта поддержка мотивировалось не только экономическими интересами, но и шансами получить огромный геополитический выигрыш от победы Юга: в этом случае Конфедерация стала бы английским сателлитом, экономическая, политическая, военная мощь Союза была бы подорвана на десятилетия вперед, и Англия завоевала бы бесспорную гегемонию в Западном полушарии.

Французский император Луи Наполеон, одержимый идеей расширения французской сферы влияния на американском континенте, воспользовался американской гражданской войной для реализации

амбициозного плана превратить Мексику, где с 1857 г. тоже бушевала гражданская война, в фактический протекторат Франции. Французская военная интервенция, направленная на свержение демократического правительства Мексики, началась в 1862 г. Англия и Испания приняли непосредственное участие в интервенции. Европейские державы бросили вызов доктрине Монро, и поглощённый гражданской войной Вашингтон был бессильным этому помешать. Интервенция закончилась установлением в Мексике профранцузского монархического режима.

Как известно, перспективы американской гражданской войны были неясны вплоть до лета 1863 г., когда победа армии северян под Геттисбергом переломила ход событий в пользу Союза. Все европейские державы занимали официально нейтральную позицию по отношению к внутриамериканскому конфликту, однако симпатии почти всех монархий Европы были на стороне Юга — как по геополитическим причинам, так и из идеологической неприязни к правительству Линкольна. На протяжении почти трёх первых лет войны правительства Франции и Англии рассматривали возможность дипломатического признания Юга как один из вариантов их политики. Признание Конфедерации было сопряжено с риском войны между США и европейскими державами, и Лондон и Париж выжидали, пока Север потерпит решающее поражение, прежде чем пойти на такой риск. Но и без признания нейтралитет Англии и Франции предусматривал реальную помощь Югу, который они объявили «воюющей стороной» (*belligerency*). Фактически, эти державы рассматривали внутриамериканский конфликт как международный и активно предлагали европейское посредничество в его урегулировании, которое подразумевало сохранение независимости Конфедерации. Они отказывались признавать законной блокаду южных портов флотом северян и поддерживали торгово-экономические связи с Югом. Конфедерация имела возможность покупать в Англии и Франции оружие и боеприпасы, строить на английских и французских верфях суда для своего военного флота. Эмис-

сары Юга вели в Лондоне переговоры с английским правительством, стремясь добиться дипломатического признания. Они убеждали англичан, что Конфедерация как крупное новое независимое государство укротит территориальные амбиции и гегемонистские претензии США, восстановит баланс сил на американском континенте и станет ценным коммерческим партнёром европейских держав.

В правящих кругах России эскалация политического конфликта в США до состояния гражданской войны вызвала совершенно иные реакции. В своей депеше в Петербург в связи с началом войны российский посланник в США Э.А. Стеклъ писал: «...Дезорганизация Соединённых Штатов как державы, с нашей точки зрения, прискорбное событие. Американская федерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование её являлось элементом мирового равновесия... Если ультра-демократический режим оказался несостоятельным, то нам об этом жалеть не приходится, но мы не можем оставаться безразличными к опасностям, которые угрожают самой нации. Её существование для нас важнее, чем для любого иного государства. Нам необходимо поддерживать наши интересы и расширить наше влияние на Тихом океане. В этой области мы уже встретили и, по всей вероятности, будем продолжать встречать препятствия со стороны Англии, и помощь американцев нам всегда будет полезна» [Малкин, 1939: 38].

В июле 1861 г. министр иностранных дел России А.М. Горчаков направил послание правительству США, которое было опубликовано в печати и вызвало большой позитивный резонанс и в Вашингтоне, и в американском общественном мнении. В послании, в частности, говорилось: «На протяжении более восьмидесяти лет своего существования Американский Союз был обязан своей независимостью, своим величием и своим прогрессом согласию его членов, которое его блестящие основатели воплотили в институтах, примиряющих единство и свободу. Этот плодотворный Союз продемонстрировал всему миру процветание, какого не знала история... В на-

ших глазах этот Союз является не просто незаменимым элементом всеобщего политического равновесия. Он, кроме того, образует нацию, к которой наш Августейший Государь и вся Россия испытывают самые дружеские чувства, ибо наши две страны, расположенные на дальних берегах двух миров и пребывающие в восходящей стадии своего развития, призваны самой природой образовывать естественное сообщество интересов и симпатий, свидетельства которого они не раз уже представляли друг другу» [Saul, 1991: 326].

Прибывший в Петербург в июне 1862 г. новый американский посланник в России Саймон Камерон докладывал в Вашингтон после своего приема Александром II, что «император выказал не только свой глубокий интерес ко всему относящемуся к нашей стране, но и свои точные знания о нынешней ситуации в ней... Он очень озабочен тем, чтобы мощь и влияние Соединённых Штатов как государства не пострадали» [Saul, 1991: 331]. Сменивший Камерона на его посту Баярд Тейлор сообщал в марте 1863 г., что император регулярно вызывает его во дворец для получения информации о развитии событий: «Император демонстрирует постоянный и активный интерес к успеху нашего национального дела. Его внимание особенно привлечено к последствиям Акта об эмансипации и результатах боевых испытаний нашего нового броненосца» [Saul, 1991: 334].

Нейтралитет, объявленный Россией, отличался по своему содержанию от англо-французской политики нейтралитета. Россия, как и другие европейские страны, продолжала покупать у южан необходимый ей хлопок, не считая это нарушением нейтралитета. Но важнее было то, что российское правительство рассматривало американскую войну как исключительно внутренний конфликт. Петербург выступал за скорейшее разрешение конфликта — предпочтительно путем переговоров и компромиссов между Севером и Югом, но при этом недвусмысленно подчёркивал свою поддержку законного правительства США. Прибывшей в Петербург делегации южан было отказано в приёме, и она была вынуждена вернуться ни с чем. Такая пози-

ция встречала в правительстве Линкольна полное понимание и признательность: большего от России там не ждали.

В Лондоне и Париже позиция России стала весомым фактором принятия решений по американскому вопросу. Например, в марте 1862 г. в ходе парламентских дебатов британский премьер-министр Пальмерстон, объясняя, почему Англия не предприняла более жёстких действий против США в ответ на захват американцами в ноябре 1861 г. английского судна «Трент» и арест находившихся на его борту представителей Конфедерации, направлявшихся на переговоры в Лондон, заявил: «Действия Великобритании были обусловлены отчасти опасением, что недостаточное уважение к правам нейтралитета может легко вызвать нерасположение Соединённых Штатов к Союзникам и вызвать опасность принуждения этой страны заключить военный союз с Россией» [Малкин, 1939: 98]. Такая опасность была на самом деле преувеличенной, но противоречие между геополитическими интересами России, стоявшей за сохранение американского Союза, и западноевропейских держав, рассчитывавших на его демонтаж, было очевидно. Всякий раз, когда Лондон или Париж рассматривали вопрос о признании Конфедерации или выдвигали предложения о международном урегулировании внутриамериканского конфликта, эти идеи наталкивались на сопротивление России, неизменно настаивавшей на невмешательстве в американские дела.

Призрак русско-американского военного союза вновь напомнил о себе в 1863 г., когда Российская империя оказалась в положении, в чем-то схожем с охваченной гражданской войной Америкой. В январе в Царстве Польском вспыхнуло мощное хорошо организованное восстание, лидеры которого провозгласили восстановление Речи Посполитой как независимого государства. Франция, Англия и несколько других европейских государств выступили с декларациями по поводу польских событий, в которых требовали восстановления более либерального режима, установленного в Польше в 1815 г. Александром I в соответствии с решениями Венского кон-

гресса. Поскольку царское правительство отвергало подобные требования и продолжало подавлять восстание военной силой, в западных столицах зазвучали угрозы прямого вмешательства в польский конфликт.

Россия начала готовиться к возможному повторению Крымской войны. В случае войны российский флот должен был нанести удары по торговым путям и колониям противников в Атлантическом и Тихом океанах. Для проведения таких операций флот нуждался в надёжных нейтральных гаванях базирования, каковыми были выбраны порты США. Вашингтон с готовностью дал согласие на приём русских кораблей, и в сентябре – октябре 1863 г. русские эскадры общей численностью в 11 вымпелов бросили якоря в Нью-Йорке и Сан-Франциско, где их ожидал восторженный приём. Действительные боевые задачи эскадр держались в тайне, что дало повод к буре домыслов в США и Европе. Администрация Линкольна, всё ещё опасавшаяся вмешательства Франции и Англии в гражданскую войну, сознательно потворствовала распространению слухов о том, что российский флот якобы готов встать на сторону Союза в случае войны между США и европейскими державами. Эта версия впоследствии была подхвачена даже некоторыми историками, хотя она не имеет документальных подтверждений.

Но в тот момент важно было не то, какие секретные приказы хранились в сейфах русских адмиралов, а то, что об этом думали политики и общественность в Америке и Европе. Неожиданное появление русских военных кораблей у американских берегов с неясными целями, но при подчёркнутом энтузиазме северян, ободренных идеей о том, что русские пришли к ним на помощь, укрепило позиции тех в Лондоне и Париже, кто был против вмешательства во внутриамериканский конфликт. Одновременно выход российского флота на оперативные просторы двух океанов усиливал военный потенциал России в случае интервенции западных держав из-за польских событий и тем самым служил дополнительным аргументом против планов такой интервенции.

Русские корабли оставались в США полгода. К лету 1864 г. польское восста-

ние было окончательно разгромлено, а поражение Конфедерации стало неизбежным. Экспедиция русского флота в Америку без единого выстрела помогла одновременно обоим государствам защитить свой суверенитет, став новым примером сотрудничества России и США в вопросах безопасности. Как комментировала лондонская «Таймс» в октябре 1863 г., «тот, кто рекомендовал русскому императору послать эскадру фрегатов в Нью-Йорк, может поздравить себя с огромным успехом... Американцы и русские проявили согласие, показывающее тяготение двух держав к постоянному союзу» [Болховитинов, 1996].

Последним крупным событием периода неформального альянса России и США стала продажа Аляски. Вопрос этот начал обсуждаться в российских правящих кругах сразу после Крымской войны, показавшей крайнюю уязвимость американской колонии России, которая к тому же стала убыточной в связи с истощением меховых ресурсов в регионе. В 1857 г. брат Александра III великий князь Константин Николаевич, морской министр России, курировавший Русскую Америку, так суммировал аргументы в пользу продажи Аляски американцам: «Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединённые Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии воротить их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительна и потребовала только вознаграждения нашей Российско-американской компании» [Болховитинов, 1990: 104].

Первые российско-американские переговоры на эту тему состоялись в конце 1850-х гг., не приведя к согласию о цене покупки: американцы не хотели платить за Аляску более чем 5 млн. долларов. Переговоры возобновились после окончания Гражданской войны и быстро привели к

соглашению. Российские колонии на американском континенте были проданы США за 7,2 млн. долларов серебром. В обеих странах эта сделка вызвала критику: в России сумму сочли ничтожной, в США — чрезмерной, в России некоторые вообще были против продажи территорий, в Америке возникла оппозиция покупке земель, казавшихся бесполезными. Ратификация соглашения потребовала от республиканской администрации и российского посольства значительных лоббистских усилий.

Как отмечал в своём фундаментальном исследовании вопроса Н.Н. Болховитинов, главным мотивом российского правительства было «устранение очага возможных противоречий в будущем, укрепление фактического союза двух стран, перенесение внимания на укрепление позиций России на Дальнем Востоке (особенно в районе р. Амур) ... Давняя идея о континентальном, а не морском будущем России, отказ от присоединения далеких заморских территорий и сосредоточение внимания на укреплении позиций на Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии приобретали всё большее значение...» [Болховитинов, 1990: 316–317].

Весьма необычным проявлением дружественных отношений между двумя странами стала реакция Вашингтона на происшедшее 4 апреля 1866 г. покушение на жизнь Александра II. 6 мая американский конгресс выступил по этому поводу со специальной декларацией, в которой, в частности, говорилось: «...Конгресс Соединённых Штатов Америки с глубоким прискорбием узнал о покушении на жизнь императора России, учинённом врагом эмансипации. Конгресс шлёт своё приветствие Его Императорскому Величеству и русскому народу и поздравляет двадцать миллионов крепостных с избавлением по воле Провидения от опасности государя, уму и сердцу которого они обязаны благодеяниями своей свободы»¹³. Покушавшийся на царя революционер Дмитрий Карако-

¹³ Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. — Москва: Международные отношения, 2001. — С. 31.

зов отнюдь не был «врагом эмансипации»; напротив, его мотивом был протест против весьма тяжких для крестьян условий, на которых крепостное право было отменено царём, «предавшим свой народ», как выразился Каракозов. Но у американских политиков не было ни времени, ни желания вникать в такие детали. Декларация была доставлена Александру личным представителем президента, заместителем морского министра Густавусом Фоксом, который прибыл в Кронштадт в августе на борту броненосца. Фокс также выразил императору признательность за помощь, оказанную Россией США во время Гражданской войны.

Вместо заключения

Подведём некоторые итоги. В течение продолжавшегося более века первого периода российско-американских отношений их определяющими чертами были взаимовыгодное сотрудничество, взаимопомощь и партнёрство. В этот период государства мира соперничали, нападали друг на друга, заключали оборонительные и наступательные союзы, которые потом распадались в огне новых войн, где союзники становились врагами и т.д. На фоне тогдашних международных отношений российско-американское «сообщество интересов и симпатий» выглядело как странная аномалия.

Аномалия состояла прежде всего в бесконфликтности отношений. Ключевую роль в этом играл фактор расстояния, разделявшего Россию и Америку. Обе державы осуществляли широкомасштабную и энергичную территориальную экспансию — Россия на восток в Евразии, США — на запад в Северной Америке. Вплоть до начала XX в. эти процессы экспансии не сталкивались, развиваясь свободно, и обе страны не только не мешали экспансии друг друга, но и приветствовали её и в известной мере способствовали ей. Готовность, с которой Россия пошла на продажу своих американских владений, может быть объяснена, в частности, и стремлением России сохранить этот фактор дистанции, который столь долго уберегал

её отношения с Америкой от серьёзных трений.

В конце концов фактор дистанции ослабел: встречное движение двух империй привело к соперничеству за сферы влияния и контроля. Первое значительное столкновение интересов России и Америки произошло на рубеже XIX–XX вв. в Восточной Азии, где главным предметом их конкуренции стал Китай. Однако в борьбу за влияние в этом регионе было вовлечено шесть государств, и логика многополярного конфликта плюс давняя традиция российско-американского сотрудничества ограничили степень ухудшения отношений.

Важным фактором, работавшим на долговременное и устойчивое сотрудничество России и США, была потребность каждой из двух сторон в поддержании международного баланса сил. Гегемонистские претензии Англии и Франции в их различных проявлениях бросали вызовы интересам обоих государств, и уже в конце XVIII в. они обнаружили, что могут помогать друг другу в ответах на эти вызовы — путём развития торговых связей и дипломатического взаимодействия. Российско-американские отношения сложились и развивались как побочное последствие серии войн, в которых участвовали эти два государства — войн, ни в одной из которых Россия и США не были противниками. Из соображений баланса сил оба государства выступали за сохранение и приумножение мощи друг друга.

До конца XIX в. Россия превосходила США по размерам экономики, военному потенциалу и политическому влиянию, и это превосходство повышало в глазах американцев ценность России как союзника. С первых лет своего существования вплоть до окончания Гражданской войны США больше нуждались в помощи России, чем Россия — в помощи США. Со временем соотношение сил изменилось в пользу США, нужда американцев в поддержке России уменьшилась, а начавшееся соперничество между двумя странами стало формировать новый американский интерес — в *ослаблении* России как соперника. Однако на том этапе США не были заинтересованы в

чрезмерном ослаблении России, продолжая рассматривать её как ключевой элемент баланса сил. Неофициально блокируясь с Японией в русско-японском конфликте, США рассчитывали руками Японии заставить Россию отказаться от претензии на монопольное влияние в Маньчжурии в пользу принципа «открытых дверей» — и в то же время с помощью России сдерживать имперские устремления Японии.

Логика взаимодействия интересов и их эволюция помогают понять причины того казавшегося в своё время парадоксальным длительного состояния российско-американских отношений, когда принципиальный идеологический конфликт между базовыми политическими ценностями двух государств — между самодержавием и демократией — не препятствовал их сотрудничеству и взаимопомощи. Казалось бы, что само рождение США как нового государства, основанного на принципах народного суверенитета, гражданских и политических свобод и разделения властей, было опасным идеологическим вызовом Российской империи, а последовавший за этим век демократических революций, лидеры которых вдохновлялись американским примером, должен был сделать идеологический конфликт доминантой отношений.

Идеологический конфликт действительно имел место; он тлел, иногда вспыхивал, но правительства обеих стран долгое время не позволяли ему превратиться в пожар, который мог бы сжечь мосты «естественного сообщества». На то был ряд причин.

Во-первых, идеологические противоречия между Россией и Америкой сочетались со многими элементами идеологического сходства между двумя странами. Элиты обоих государств ощущали свою принадлежность к европейской цивилизации. Оба государства были империями, осуществлявшими территориальную экспансию в трансконтинентальных масштабах. В обеих империях до 1860-х гг. существовал рабский труд, который затем был почти одновременно отменён. Обе империи отстаивали право на беспрепятственную морскую торговлю во времена войн. Оба государства в течение более века защища-

ли свои экономики с помощью протекционистских торговых тарифов, тогда как Англия пробивала себе доступ к зарубежным рынкам под флагом свободной торговли.

Во-вторых, самого существования принципиальных различий в политическом устройстве было недостаточно для того, чтобы идеология провоцировала конфликты между государствами. Идеология могла приобретать такую роль лишь в тех случаях, когда её брали на вооружение как орудие политической борьбы внутри страны или на международной арене. Русские либералы и демократы видели в американской демократии образец для подражания, американские либералы и левые ненавидели русское самодержавие, тогда как консерваторы в обеих странах испытывали взаимные симпатии и стремились поддерживать друг друга. Однако не идеологические симпатии или антипатии, а взаимодействие экономических и геополитических интересов двух стран в конечном счёте определяли их действия по отношению друг к другу.

Как отмечает И.И. Курилла, «американцы первой половины XIX в. не руководствовались каким-то единым набором ценностей, на основании которых они могли бы оценивать окружающий их страну мир. Только часть граждан республики считали демократическую модель универсальной, а право наций на независимость — священным. Другие американцы соглашались со своими европейскими современниками в том, что демократия — уникальное явление, связанное с особенностями американского изолированного положения и их истории, тогда как для многих европейских наций независимость и демократия неприменимы в силу их национального характера и неразвитости общественных институтов. На этом была основана дипломатическая практика Соединённых Штатов» [Курилла, 2005: 370]. Американский посланник в Петербурге Джеймс Бьюкенен, будущий президент США, писал секретарю Эдварду Ливингстону в 1832 г.: «Наш принцип — заниматься своими делами и предоставить другим нациям делать то же самое — наилучшим способом повлиять на наши международные отношения. В

результате такой политики наибольшего эффекта мы достигаем с помощью примера; и мы, таким образом, лучше способствуем делу свободы в мире, чем могли бы путем прямого и активного вмешательства в дела других наций» [Курилла, 2005: 371].

Но, начиная с 1880-х гг., в американском общественном мнении и политической жизни российское государство с его самодержавным строем стало все больше восприниматься как вызов общечеловеческим демократическим ценностям, как «тюрьма народов», которую Америка должна помочь разрушить, чтобы освободить её узников. В 1887–1891 гг. американский журналист Джордж Кеннан описал в серии статей и последующей книге «Сибирь и система ссылки» увиденные им кошмарные условия содержания заключённых и ссыльных в России. Публикации Кеннана и его многочисленные публичные лекции потрясли американское общественное мнение. В 1891 г. русские политэмигранты в США организовали при поддержке сочувствующих американцев «Общество друзей русской свободы», развернувшее общественную кампанию за изменение общественного строя в России и поддержку русских революционеров. Такое же общество было создано и в Англии.

Обострение внимания американцев к внутренней ситуации в Российской империи объяснялось как нарастанием кризиса в самой империи, так и обострением идейной и политической борьбы внутри США, где развернувшаяся индустриализация вызывала глубокие социальные перемены и потрясения. На новом этапе американской истории возникла потребность в идеологизации общественной жизни, в более интенсивном утверждении американского демократического кредо — и самодержавная Россия неизбежно оказалась в качестве примера противоположного американским идеалам строя. Как замечает В.И. Журавлева, «образ русского „Другого“ интегрировался в систему мировидения американцев, формировавшуюся на основе матрицы национальных культурных символов и определявшуюся внутренней „повесткой дня“ американского общества» [Журавлева, 2012: 393].

В то же время внутренние процессы, развивавшиеся в обеих странах, впервые привели к прямому контакту между массами россиян и американцев в результате миграции около 4 млн. подданных Российской империи в США. За несколько десятилетий в американском обществе образовалась массовая база антироссийской политики. Покидавшие Россию люди бежали от нищеты, бесправия, полицейщины, национального гнета, надеясь обрести в Америке свободу и благополучие. Эта огромная человеческая волна не могла не повлиять на отношение американцев к России. Если во время польского восстания 1863 г. общее количество поляков в Америке не превышало 15 тысяч человек, и правительство Линкольна, опиравшееся в Гражданской войне на поддержку России, могло отказаться присоединиться к протестам европейских государств против подавления польских инсургентов царской армией, не опасаясь электоральных последствий такого решения, то к началу XX в. польская община выросла до 880 тыс. человек, став ощутимым фактором политической жизни. В то же время официальная дискриминация еврейского населения России и несколько волн еврейских погромов на юге империи породили массовую эмиграцию евреев в Америку. В начале века еврейская община в США насчитывала уже свыше двух миллионов человек, в подавляющем большинстве эмигрантов из России, поселившихся преимущественно в больших городах, а её лидер, крупный банкир Джейкоб Шифф обладал достаточными ресурсами, чтобы повлиять на исход русско-японской войны, помогая Японии займами, а позднее — организовать успешную лоббистскую кампанию за денонсацию американо-русского торгового договора 1832 г. Впрочем, новая геополитическая обстановка в Восточной Азии, в которой США стремилась отбросить Россию с завоеванных ею позиций, послужила более весомым фактором антироссийского крена в американской политике, чем финансовые операции банкиров и лоббизм общественных организаций. Так, в ходе обсуждения в конгрессе в 1911 г. судьбы американо-русского торгового договора энер-

гичные призывы посла США в Петербурге к администрации Тафта вмешаться в борьбу, чтобы спасти договор, столь важный для интересов американского бизнеса в России, остались без внимания, в результате чего договор был денонсирован обеими палатами при единственном голосе против [Cohen, 1963: 38]. Расторжение договора затруднило, но не остановило развитие торгово-экономических отношений между двумя странами.

Что касается правителей царской России в период «естественного партнёрства», то они не были склонны рассматривать США в роли идеологической угрозы устоям своей империи. Америка была слишком далекой и слишком слабой, чтобы её идеи могли поколебать стабильность этих устоев. В то же время реальные интересы России, как торговые, так и геополитические, диктовали сближение и партнёрство с американским государством. В 1823 г. в беседе с государственным секретарём Адамсом русский посланник в США барон Тейль так обрисовал официальную позицию своего правительства: «Соединённые Штаты являются республикой. Совершенно ясно, что в республике должны господствовать и республиканские принципы. Нет необходимости и пользы поэтому вступать в дискуссию по поводу основных принципов республиканского и монархического правления. Но это различие в принципах совсем не обязательно влечёт враждебное столкновение между нами» [Болховитинов, 1975: 218].

Сходство между американской и русской версиями «мирного сосуществования» между демократией и автократией скрывало принципиальное различие: Российская империя, в отличие от США, не претендовала на универсализм своей идеологии. Более того: защищая «русскую особость» империи в духе уваровской триады, российские правители в то же время были западниками, понимали отсталость России и стремились преодолеть её на путях вестернизации, пусть в русском её варианте. Наблюдая перемены в России в течение XIX в., американцы с удовлетворением от-

мечали, что Россия эволюционирует, пусть медленно, но в правильном направлении. Цари-реформаторы Александр I и Александр II вызывали в Америке особое одобрение и уважение, но США уживались и с консерваторами и реакционерами на российском троне. Идейный конфликт Америки с Россией как страной развивающегося капитализма, с политической системой, которая рано или поздно должна была преобразиться в соответствии с универсальной либерально-демократической моделью, не мог быть слишком глубоким — тем более пока отсутствовали крупные конфликты между интересами двух государств.

После того, как русская революция 1917 г. вооружила Россию собственной марксистско-ленинской версией универсализма, идеологический конфликт между двумя державами достиг беспрецедентной остроты. Но в то же время в результате крушения империи Россия перестала рассматриваться американцами как геополитический соперник, а позднее, в ходе Второй мировой войны между двумя странами возникли более весомые, чем когда-либо, *общие интересы* — разгром держав Оси и закладка основ послевоенного миропорядка. Именно как союзники, одержавшие историческую совместную победу, Соединённые Штаты и Советский Союз обрели уникальный статус сверхдержав. Казалось бы, безвозвратно утерянная, традиция «естественного сообщества» проявилась тогда с новой силой. Не исчезла она и в период Первой холодной войны, когда сверхдержавы соперничали в идеологическом, геополитическом и военном измерениях. При всей интенсивности этой борьбы и в те опасные десятилетия между ними имело место и сотрудничество, позволявшее избегать фатальных ошибок, находить пути снижения напряжённости, строить совместными усилиями глобальную систему контроля над вооружениями, а в 1980-е гг. — договориться о прекращении холодной войны. Этот опыт, эта традиция имеют особую актуальность в наше время.

Список литературы:

- Беляков Д.А. Русско-американские отношения в середине XIX века // *Мировая политика*. — 2015. — № 4. — С. 103–114. <https://doi.org/10.7256/2409-8671.2015.4.17252>
- Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. — Москва: Наука, 1966. — 638 с.
- Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863–1864 годах // *Новая и новейшая история*. — 1996. — № 5. — С. 195–216.
- Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. — Москва: Наука, 1990. — 367 с.
- Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения: 1815–1832. — Москва: Наука, 1975. — 623 с.
- Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. — Владивосток: Дальневосточный университет, 2001. — 180 с.
- Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. — Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. — 1144 с.
- Иллерицкий Н.И. Образ России в американской прессе в годы Крымской войны // *Americana: Сборник статей*. — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2014. — С. 180–196.
- Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. — Волгоград: Изд-во Волгogr. гос. ун-та, 2005. — 487 с.
- Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия. — Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1939. — 332 с.
- Павловская А.В. Россия и Америка: проблемы общения культур: Россия глазами американцев 1850–1880-е гг. — Москва: Изд-во МГУ, 1998. — 302 с.
- Селезнев Ф.А. Конфликт вокруг расторжения русско-американского торгового договора и Московская буржуазия (1911–1912 гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: История. — 2002. — № 1. — С. 74–82.
- Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2012. — 453 с.
- Bacevich A.J. Ideas and American foreign policy: a reader. — New York: Oxford university press., 2018. — XV–526 p.
- Bailey T.A. America faces Russia: Russian-American relations from early times to our day. — Ithaca: Cornell University Press, 1950. — XI, [3], 375 p.
- Bush R.D. The Louisiana Purchase. — New York: Routledge, 2013. — 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203067055>
- Cohen N.W. The Abrogation of the Russo-American Treaty of 1832 // *Jewish Social Studies*. — 1963. — Vol. 25, № 1. — P. 3–41.
- Cresson W.P. The Holy alliance: the European background of the Monroe doctrine. — New York: Oxford University Press, 1922. — vi, 147 p.
- Crosby A.W. America, Russia, hemp, and Napoleon: American trade with Russia and the Baltic, 1783–1812. — Columbus: Ohio State University Press, 1965. — VIII, 320 p.
- Dix W.G. The unholy alliance an American view of the war in the East. — New York: C.B. Norton, 1855. — 257 p.
- Figes O. The Crimean War: a history. — New York: Picador, 2010. — xxiii, 575 p.
- Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States. — New York: McGraw-Hill, 1990. — xvi, 384 p.
- Golder F.A. Russian-American Relations During the Crimean War // *The American Historical Review*. — 1926. — Vol. 31, № 3. — P. 462–476. <https://doi.org/10.1086/ahr/31.3.462>
- Griffiths D.M., Munro G.E. No collusion! : Catherine the Great and American independence. — Bloomington, Indiana: Slavica Publ., 2020. — xv, 717 p.
- Grinev A. V. The Plans for Russian Expansion in the New World and the North Pacific in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *European journal of American studies*. — 2010. — Vol. 5, № 2. <https://doi.org/10.4000/ejas.7805>

Hans N. Tsar Alexander I and Jefferson: Unpublished Correspondence // *The Slavonic and East European Review*. — 1953. — Vol. 32, № 78. — P. 215–225.

Herring G.C. From colony to superpower: U.S. foreign relations since 1776. — New York: Oxford University Press, 2011. — xvi, 1035 p.

Laserson M.M. The American impact on Russia, 1784–1917: diplomatic and ideological. — New York: Collier, 1962. — 541 p.

Mazour A.G. The Russian-American and Anglo-Russian Conventions, 1824–1825: An Interpretation // *Pacific Historical Review*. — 1945. — Vol. 14, № 3. — P. 303–310. <https://doi.org/10.2307/3637088>
10.2307/3635893

Nichols I.C. The Russian Ukase and the Monroe Doctrine: A Re-Evaluation // *Pacific Historical Review*. — 1967. — Vol. 36, № 1. — P. 13–26. <https://doi.org/10.2307/3637088>

Saul N.E. Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914. — Lawrence: University Press of Kansas, 1996. — 650 p.

Saul N.E. Distant friends: the United States and Russia: 1763–1867. — Lawrence: University Press of Kansas, 1991. — XVI, 448 p.

Williams W.A. American Russian relations, 1781–1947. — New York: Rinehart, 1952. — 367 p.

References:

Bacevich, A. J. (2018) *Ideas and American foreign policy: a reader*. New York: Oxford university press.

Bailey, T. A. (1950) *America faces Russia: Russian-American relations from early times to our day*. Ithaca: Cornell University Press.

Beliakov, D. A. (2015) 'Russko-amerikanskiye otnosheniya v seredine XIX veka [Russian-American relations in the middle of the 19th century]', *World politics*, 4(4), pp. 103–114. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2409-8671.2015.4.17252>

Bolkhovitinov, N. N. (1966) *Stanovleniye russko-amerikanskikh otnosheniy, 1775–1815 [The Formation of Russian-American Relations, 1775–1815]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Bolkhovitinov, N. N. (1975) *Russko-amerikanskije otnosheniia: 1815–1832 [Russian-American Relations: 1815–1832]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Bolkhovitinov, N. N. (1990) *Russko-amerikanskije otnosheniia i prodazha Aliaski: 1834–1867 [Russian-American relations and the sale of Alaska. 1834–1867]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Bolkhovitinov, N. N. (1996) 'Russkiye eskadry v SSHA v 1863–1864 godakh [Russian squadrons in the USA in 1863–1864]', *Novaia i noveishaia istoriia*, (5), pp. 195–216. (In Russian).

Bush, R. D. (2013) *The Louisiana Purchase*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203067055>

Cohen, N. W. (1963) 'The Abrogation of the Russo-American Treaty of 1832', *Jewish Social Studies*, 25(1), pp. 3–41.

Cresson, W. P. (1922) *The Holy alliance: the European background of the Monroe doctrine*. New York: Oxford University Press.

Crosby, A. W. (1965) *America, Russia, hemp, and Napoleon: American trade with Russia and the Baltic, 1783–1812*. Columbus: Ohio State University Press.

Dix, W. G. (1855) *The unholy alliance an American view of the war in the East*. New York: C.B. Norton.

Figes, O. (2010) *The Crimean War: a history*. New York: Picador.

Gaddis, J. L. (1990) *Russia, the Soviet Union, and the United States*. New York: McGraw-Hill.

Garusova, L. N. (2001) *Rossiysko-amerikanskiye regional'nyye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' [Russian-American Regional Relations in the Far East: Past and Present]*. Vladivostok: Izd-vo VGUES Publ. (In Russian).

Golder, F. A. (1926) 'Russian-American Relations During the Crimean War', *The American Historical Review*, 31(3), pp. 462–476. <https://doi.org/10.1086/ahr/31.3.462>

Griffiths, D. M. and Munro, G. E. (2020) *No collusion! : Catherine the Great and American independence*. Bloomington, Indiana: Slavica Publ.

Grinev, A. V. (2010) 'The Plans for Russian Expansion in the New World and the North Pacific in the Eighteenth and Nineteenth Centuries', *European journal of American studies*, 5(2). <https://doi.org/10.4000/ejas.7805>

- Hans, N. (1953) 'Tsar Alexander I and Jefferson: Unpublished Correspondence', *The Slavonic and East European Review*, 32(78), pp. 215–225.
- Herring, G. C. (2011) *From colony to superpower: U.S. foreign relations since 1776*. New York: Oxford University Press.
- Kurilla, I. I. (2005) *Partners across the Ocean: the United States and Russia, 1830s – 1850s*. Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta Publ. (In Russian).
- Laserson, M. M. (1962) *The American impact on Russia, 1784–1917: diplomatic and ideological*. New York: Collier.
- Malkin, M. M. (1939) *Grazhdanskaya voyna v SShA i tsarskaya Rossiya [American Civil War and Tsarist Russia]*. Moscow: Gosud. sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ. (In Russian).
- Mazour, A. G. (1945) 'The Russian-American and Anglo-Russian Conventions, 1824–1825: An Interpretation', *Pacific Historical Review*, 14(3), pp. 303–310. <https://doi.org/10.2307/3637088>
- Nichols, I. C. (1967) 'The Russian Ukase and the Monroe Doctrine: A Re-Evaluation', *Pacific Historical Review*, 36(1), pp. 13–26. <https://doi.org/10.2307/3637088>
- Pavlovskaya, A. V (1998) *Rossiia i Amerika: problemy obshcheniia kultur: Rossiia glazami amerikantsev, 1850–1880-e gody [Russia and America: problems of communication of cultures: Russia through the eyes of Americans 1850–1880s]*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russian).
- Saul, N. E. (1991) *Distant friends: the United States and Russia: 1763–1867*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Saul, N. E. (1996) *Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Seleznev, F. A. (2002) 'Konflikt vokrug rastorzheniya russko-amerikanskogo torgovogo dogovora i Moskovskaya burzhuaziya (1911–1912 gg.) [The conflict around the termination of the Russian-American trade agreement and the Moscow bourgeoisie (1911–1912)]', *Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobačevskogo*, (1), pp. 74–82. (In Russian).
- Sergeev, E. (2012) *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russian).
- Williams, W. A. (1952) *American Russian relations, 1781–1947*. New York: Rinehart.
- Zhuravlyeva, V. I. (2012) *Ponimaniye Rossii v SSHA: obrazy i mify, 1881–1914 [Understanding Russia in the USA: Images and Myths, 1881–1914]*. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Сергей Михайлович Плеханов — доктор исторических наук, доцент кафедры политологии Йоркского университета, М31 1Р3 Онтарио, Торонто, Кил-стрит, 4700 (Канада)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Serguei M Plekhanov — Doctor of History, Associate Professor of Political Science, York University, 4700 Keele St., Toronto, Ontario, Canada, M3J 1P3 (Canada)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.